

Айлин Лин

ВЕДЬМА ТЫКВА

И СЛАДКИЙ БУНТ

Айлин Лин

Ведьма, тыква и сладкий бунт

«Автор»

2026

Лин А.

Ведьма, тыква и сладкий бунт / А. Лин — «Автор», 2026

Я всего лишь хотела проучить инспектора: испекла зубастую тыковку и вручила ему с самой милой улыбкой. Кто же виноват, что он не поверил моему предупреждению? В ночь на первое ноября все мои тыквенные сладости оживают, если их не съели до полуночи. А значит, и за сдобный бунт, который устроила тыковка, я не в ответе! Только теперь мою пекарню собираются отобрать, завистливая соседка-конкурентка празднует победу, а спасти любимое дело придётся вместе с тем самым невыносимым инспектором. В помощниках - чёрный кот и нахальное пирожное с революционными замашками. В противниках - городская управа. Но как тут бороться за справедливость, если десерт постоянно нарушает порядок, а сердце всё чаще регламент?

© Лин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Айлин Лин

Ведьма, тыква и сладкий бунт

Глава 1

Бабушка моя, Агафья Никаноровна, царство ей небесное и тёплая лежанка, учила:

- Запомни, Варька. В нашем деле главное, чтобы тесто подходило, а мужик не подходил. Редко когда от мужика пироги пышные, чаще от него одни неприятности.

Тесто у меня подходило исправно. Мужики, увы, держались на расстоянии, даже когда мне этого совсем не хотелось. Особенно когда не хотелось.

Зовут меня Варвара Медкова. Мне двадцать семь лет, я рыжая, как бок спелой тыквы, в веснушках, и слегка ведьма. «Слегка» значит в лицензии над кассой: «Бытовая магия, пищевое направление, категория Г (слабая)». Рядом в рамочке висит грамота за второе место на городском конкурсе «Пирог года». Первое тогда взяла жена градоначальника, и мой кот считает это совпадение подозрительным.

Кот у меня чёрный, зовут Гуталин или по-простому Гутик. Говорить он не умеет, зато умеет та-а-ак смотреть, что после его взгляда всё становится ясно и слова не нужны.

«Ведьмина плюшка» стоит на Кривоколенной улице города Кренделёва. Город у нас маленький и любопытный. Если у кого на завтрак подгорела яичница, к обеду об этом знает вся Кривоколенная, а к ужину и Прямоносая.

Магию в Кренделёве терпят, как дождь на Покров, без восторга, но и без скандала. Почти. Есть у нас ведьмы-травницы и ведьмы-швей, есть ведьмак-трубочист. И есть я.

Моя выпечка на первый взгляд самая обычная, но как только её кто-то покупает, начинаются чудеса... Она перенимает главную черту хозяина. У скряги эклер выходит суховатым, крем в нём ужимается сам собой. Торт, купленный болтушкой, становится сочным-сочным, аж капать начинает. У влюблённого жениха безе тает в коробке, и в итоге приходится есть его жидким и ложкой. Но несмотря на частые казусы, люди продолжают у меня покупать и нахваливать: «Как у вас вкусно, Варенька, ваш десерт завоевал моё сердечко!».

И только в ночь с 31 октября на 1 ноября все мои десерты с тыквой, исключительно с ней, могут взять и ожить. Ненадолго и без вреда. Если заказчик до полуночи не откусит ни кусочка. Случалось такое крайне редко, потому что покупатель обычно съедает десерт раньше двенадцати, чаще по дороге домой, ведь из коробки пахнет корицей и мускатом, и удержаться совершенно невозможно.

В прошлом году удержался один лишь бухгалтер Пупырышкин.

Тогда он заказал у меня тыквенный кекс на именины тёщи, а обожаемая (где-то глубоко в душе) родственница не приехала. Кекс простоял на подоконнике до полуночи, под бой часов отрастил ножки, пискнул и забился под диван. Двое суток Пупырышкин уговаривал его выйти. Кекс дрожал, чихал от пыли и тоненько пищал. На третье утро хозяин в очередной раз заглянул под диван, а десерт с перепугу сам прыгнул ему прямо в рот.

В любом другом городе история бы на этом закончилась. В Кренделёве истории обрастают подробностями, как пень опятами. Через неделю кексов у Пупырышкина стало три, через месяц набралась стая. Но всё это не так страшно, кабы не конкурентка - Серафима Ильинична Пирожкова. У неё своя кондитерская, буквально через дорогу. Вот она, кроме того, что пекла булки, ещё была председателем её же основанного «Общества сострадания к одушевлённой выпечке», и она страсть как любила рассказывать всем, готовым выслушать, о том, как по ночам в «Ведьминой плюшке» плачут пирожки, которых живьём сажают в печь.

- Они же лапоньки! - Серафима Ильинична, стоя посреди рынка и прижимая к груди кошёлку. - У них глазки! Как их можно есть? Канныализм какой-то!

Спорить было бесполезно. Серафима Ильинична - женщина одинокая, энергичная, завистливая и грамотная, и грамотность в этом списке самое опасное. Одинокая энергичная женщина, умеющая писать, легко напишет жалобы.

Впрочем, бумажек сих на меня уже набралось сорок шесть. Точное число я знаю от участкового. Дядя Фёдор заходит ко мне несколько раз на дню и, поедая свою любимую ватрушку, всегда делится:

— Варвара, ты это... Серафима опять в Управу написала. Не зли ты её.

- Угу, - ответила я в очередной раз. А что ещё сказать?

Объяснять Серафиме Ильиничне особенности моей выпечки бесполезно и даже опасно, она непременно закатит глаза, начнёт вещать, о том, как я жестока, и тут же настроит ещё одну жалобу.

Дядя Фёдор вздохнул, стряхнув крошки:

- Опять «угу»... А мне ведь придётся отправить эти писульки в область, когда их наберётся пятьдесят, не могу иначе, - развёл он руками, - не положено.

- Сделайте вид, что вы ничего не получали, - предложила я.

- Чтобы Серафима взялась за меня? - выпучил глаза участковый, - пора мне, - дядя Фёдор сухо попрощавшись, ушёл.

Так всегда, пообижается и вернётся, слишком близко он принимал к сердцу и службу, и Серафиму.

- Вот видишь, Гутик, - обратилась я к коту, лежащему на окошке, - опять поклёпы.

- Мр-р-р мя-а-ау, - что явно значило, и на нашей улице перевернётся телега с пирожными.

- Эх, поскорей бы, - вздохнула я, опёршись щекой на руку, - и возник бы голубоглазый блондин.

- Мр-р-р (то есть, на кой он тебе сдался)? - Гутик открыл жёлтые глаза.

- Как это? Баловать, на руках носить, цветы дарить.

Кот зевнул, показывая всем видом, что мечты мои, при наличии такого лапочки, как он, тривиальны, и уснул. А я пошла готовить десерты на вечер. Выпечка она тоже делится по времени суток. Утром любят блинчики, булочки и круассаны, днём предпочитают ватрушки, пирожки с яблоками и корицей, а вечер - время изысканных десертов: пирожных, безе, профитролей. Но сегодня вечер особенный, ведь на календаре тридцать первое октября. Поэтому и грустил дядя Фёдор, он ещё не отошёл от кекса Пупырышкина. Нет, у бухгалтера претензий не было, их была уйма у Серафимы Ильиничны.

Напевая, повязала фартук, кряхтя, вытащила из погреба налитую янтарным соком, круглобокую тыкву. Едва плюхнула пузатую красавицу на стол, как над дверью весело тренькнул колокольчик.

На пороге стоял... Не блондин, не голубоглазый и не молодой. Точно не герой моих сновидений. Однако новый покупатель всегда к столу, вернее, к прилавку. Высокий брюнет с проседью на висках, в строгом пальто, застёгнутым, несмотря на тёплую погоду, на все пуговицы, в отутюженных брюках и до блеска начищенных туфлях, кажется, я даже увидела своё отражение. Выражение лица у брюнета было такое, будто он только что проглотил лимон размером с мою тыкву, причём с кожурой. В руках Угрюмый, как нарекла я его в первую же секунду, держал кожаный портфель, внимательно изучая мою грамоту за второе место.

- Варвара Афанасьевна Медкова? Областное управление по контролю за бытовой магией и пищевой безопасностью. Старший инспектор Громов.

Глава 2

Сложив руки на груди, я приготовилась слушать, что скажет мне Угрюмый, ко всем моим бедам оказавшийся ещё и инспектором. Ну точно! Серафиму Ильиничну от её собственной резиновой выпечки замучила изжога, и она решила настрочить недостающие кляузы. Так сказать, для ровного счёта.

- До нас дошли сорок шесть жалоб... - веско начал инспектор. - Хотя, пока я спускался по вашей Кривоколенной, гражданка Пирожкова вручила мне сорок седьмую и сорок восьмую.

«Ага, до пятидесяти Серафима всё-таки недотянула. Теряет хватку старушка», - подумала я.

Гутик на подоконнике медленно открыл один глаз, оценил масштаб катастрофы, выдал тихий, но предельно презрительный «Ш-ш-ш» и демонстративно повернулся к стене.

- Сорок восемь - это ещё не пятьдесят, - пробормотала я, сжимая в руках скалку, которая как-то сама собой прыгнула ко мне в ладонь, - а дядю Фёдора вы на улице не встречали? Он ватрушку недоел...

- Участковый инспектор Мигаёлю оформляет рапорт, - резко ответил Громов. Угрюмый шагнул ближе к прилавку, и мой любимый, уютный аромат корицы тут же улетучился, уступив место бюрократическому духу гербовой бумаги и холоду осеннего дождя. - Я прибыл провести внеплановую проверку вашей... кхм... одушевлённой выпечки. Согласно инструкции, - затащил Угрюмый густым чиновничьим баритоном, - оживающий продукт категории «Г» подлежит немедленному изъятию и утилизации путём сжигания в печи. Да будет вам известно, - глянул он так сурово, что я невольно поёжилась, - согласно положению за номером три тысячи триста сорок восемь, дробь «Ж», одушевлённые десерты могут быть потенциально опасны и категорически запрещены к продаже.

- Опасны?! Мои лапоньки-кексы? И потом не я их одушевляю, вот так! И до двенадцати ни один десерт и не подумает ожить.

- Это мы и проверим, - Громов с невозмутимым видом опустился на стул, явно намереваясь остаться здесь до полуночи.

- Десерты пекутся на продажу! Дождитесь покупателей, а потом таскайтесь за ними, коли есть такая охота, - скалка с гулким стуком опустилась на столешницу.

- Я могу изъять их прямо сейчас, - упёрся Угрюмый тоном, не терпящим возражений.

- Дудки! Для этого вам нужен официальный контрольный закуп! - я вызывающе посмотрела на инспектора, Гутик с подоконника победно мявкнул - мол, знай наших, мы и сами с усами.

Громов сузил глаза, вытащил из портфеля пухлую папку и сдержанно чеканным голосом произнёс:

- Что же. Я делаю закупку. Забираю весь ассортимент.

- Как же мои сладкоежки?! Вы лишите жителей Кренделёва традиционного праздничного десерта?

- Скорее, предотвращу заведомо опасную ситуацию.

- Пф-ф-ф, - не удержавшись, фыркнула я, - ну да, конечно! Пироженка-маньяк угрожает спокойствию Кренделёва! Помогите, спасите, кексы нападают!

- Варвара Афанасьевна, я покупаю всё, - от заунывного тона Громова у меня, кажется, не то что сливки, опара могла скиснуть.

- Как хотите, - пожала плечами, - с вас сорок медяков. Только учтите, инспектор... - опёрлась руками о прилавок и наклонилась ближе, - если до полуночи вы не откусите от десерта ни кусочка... он имеет полное аморальное право дать вам сдачи.

- Подтверждаете, что вы их оживляете, Варвара Афанасьевна?

- Ни в коем разе! - честно мотнула я головой, - они у меня ребята самостоятельные. А сейчас лавка закрывается на технический перерыв, господин инспектор. За выпечкой придёте ровно в шесть часов.

Угрюмый недовольтно насупился, а Гутик уже спрыгнул на пол и начал подозрительно настойчиво толкать лапой дверь, провожая «дорогого» покупателя.

- Я подожду здесь.

- Не утруждайтесь. Мои десерты могут скиснуть от одного вида вашей бюрократической физиономии.

Гутик фыркнул, сверкнув янтарными глазами. Громов удивлённо скосил взгляд на кота, но спорить не стал:

- Вернусь в шесть, - перехватив портфель, он вышел на улицу, подняв воротник пальто, как будто в Кренделёве внезапно начался ливень.

- Обидно-то как, - пожаловалась коту, закрывая засов, - знаешь, я ведь задумала сегодня испечь совершенно особенный десерт. Представь только этот шедевр: муссовое пирожное в форме крошечной, идеальной тыковки с шоколадным хвостиком, кремовой начинкой из пряного мускатного мусса и марципановыми листиками!

Гутик прикрыл глаза и сладко облизнулся.

- А теперь придётся всё отдать этому... Угрюмому! Хотя-а-а-а.... - осклабилась я самой настоящей ведьминской улыбкой, - будет ему десерт за сорок медяков!

Целый год мечтала о том, как удивлю жителей Кренделёва своими сладенькими лапочками-тыковками. Ну что же, инспектор, вы хотели проверить потенциальную опасность? Получите, распишитесь.

Закипела работа. Основой стал пряный ореховый бисквит с корицей и имбирём. Для начинки я сварила нежнейший тыквенно-апельсиновый крем с мускатным орехом, эти замороженные шарики утопила в воздушном муссе на белом шоколаде. Сверху легла ярко-оранжевая зеркальная глазурь - точь-в-точь гладкая кожица спелой тыквы.

А вот дальше в ход пошёл марципан и тонкий кондитерский шприц.

На одном боку почти готового десерта появились злобные, хищно прищуренные глазки и глумливый оскал крохотных, острейших зубок из белого шоколада. На макушке тыковки появились листики из зелёного марципана, а снизу и сверху завились две тонкие цепкие лозы. Получилось забавно-инфернальное, но до безумия милое пирожное.

Одно. Штучное. Количество пирожных в заказе инспектор ведь не уточнял?

Я злорадно ухмыльнулась, подняв к глазам тарелочку, где красовался мой зубастый десерт:

- Можешь не церемониться с инспектором, дорогуша. Если до полуночи не съест - тяпни его за палец!

Любопытный Гутик влез на прилавок, подошёл поближе, увидел ехидную марципановую мордашку... распушил хвост и мгновенно сиганул под стол.

- Нравится? - хохотнула я над усатым трусишкой.

- Ма-а-а-у! - донеслось из-под стола возмущённое котячье «фи».

- Какой покупатель, такой и десерт, - возразила я коту и пошла за подарочной коробкой.

Ровно в шесть ноль-ноль над дверью весело звякнул колокольчик.

Глава 3

На прилавке, в большой коронной коробке с замысловатым пышным бантом красовался мой десерт. Громов с постно-канцелярской миной появился в лавке. Я окинула взглядом его несносно-идеальный вид, клянусь своими десертами, даже складки на его брюках отглажены согласно инструкции. Была бы его воля, он и дождю бы запретил капать без предварительной подачи заявления в двух экземплярах.

- Ваш десерт, - ухмыльнулась я.

- Вы пунктуальны, - не обратил на мою вежливо-издевательскую мину инспектор, с натугой поднял большую коробку и замер, удивившись её маленькому весу.

- Решили подsunуть мне пустую упаковку, Варвара Афанасьевна?

- Всё согласно нашей договорённости, - прогнусавила я в тон инспектору.

Громов вернул коробку на прилавок, дёрнул пышный бант, поднял крышку и уставился на моё творение:

- Одно? Одно пирожное??? Ну знаете... - не нашёл приличных слов Громов.

- Количество вы не указали, - отчеканила я.

- За сорок монет...

- Так ведь это спецзаказ. По вашему желанию, - улыбнулась, проведя рукой над пирожным, - только посмотрите, да это же произведение искусства.

На прилавок забрался Гутик, смерив инспектора таким взором, будто тот задолжал нам ведро сметаны и три года не отдаёт проценты.

- Какой спецзаказ? Что мне голову морочите? - возмутился Громов.

- Ваш. Инспектор, вы ведь просили у меня десерт. Получите.

- Ведьма! - только и выдавил из себя Угрюмый.

- Потомственная! - задрал палец, уточнила я, но лишь хлопок двери был мне ответом.

Карамельно-янтарный закат быстро уступил место загадочно-сиреневым сумеркам. Инспектор сидел в номере гостиницы, наблюдая за пирожным, которое выглядывало из бело-снежной коробки, и, кажется, в свою очередь, следило за ним.

- Ерунда какая-то, - пробормотал Громов, бросив взгляд на часы. Он вытащил чайную ложку из чашки, ткнул ей в бок тыковки, та, как и положено приличным десертам, молчала, - чертовщина. Эта тётка зря жалобы строчит или ведьма что-то темнит? Невозможно ведь оживить пирожное, не находясь рядом с ним, - Громов провёл рукой над тыковкой, - и магии никакой не чувствую.

Инспектор растопил камин, ночи были уже прохладные, - переоделся в отутюженную прилично-полосатую пижаму, расправил постель, заученно откинув уголок одеяла, и сел на кровать.

- Бред какой-то, - проворчал он, - лучше спать лягу. Завтра выпишу штраф и ведьме, и тётке. Будут знать, как зря тратить время государственных служащих.

Тишина пуховым одеялом окутала маленький, стандартный, одноместный номер, только потрескивали дрова в камине. Инспектор спал, видя свои бюрократические сны. В ратуше гулко забил колокол, извещая жителей Кренделёва, что наступила полночь. Чуткий сон Громова оборвался странными шорохами, он сел на кровати, приглядываясь к коробке. Десерта не видать. Неужто правда ожил? Комната освещалась лишь бликами огня от догорающих поленьев.

- Ну, чего уставился? - раздался из коробки хриловатый басок, и Громову понадобилась вся сила воли, чтобы не заорать от неожиданности.

- Ты кто? - вырвалось у инспектора.

- Твоя тётушка, болван, - ехидно ответил басок.

Из коробки показались зелёные побеги, ухватились за края, и через бортик перевалилась тыковка, каким-то образом ожившая. Вернее... Громов не знал, как назвать то, что он видел перед собой. Пирожное на глазах раздалось в размерах, лозы сверху стали ручками, снизу отрасли зелёные ножки. Забавная, хоть и немного страшноватая мордашка, превратилась в совершенно наглую рожицу с недоброй ухмылкой.

- Бедновато живёшь, - вынесло свой вердикт пирожное-переросток, окинув взглядом комнату.

Инспектор зажёл керосиновую лампу, выкрутив фитиль до упора, чтобы в номере было светлей, наклонился к столу, рассматривая наглый десерт.

- Так, так, надо заполнить формуляр.

- Между прочим, нарушаем, господин инспектор. Нарушаем! - взмахнул зелёными ручками оживший десерт, - так, так, та-а-ак. Вскрытие коробки произведено без составления протокола досмотра и в отсутствии двух понятых. Я, между прочим, господин Тыквин, - десерт высшей категории!

Громов ошарашенно замер:

- Какой ещё протокол, пирожок-переросток?

Тыквин с невероятной скоростью подскочил, вцепившись в ворот пижамы:

- Ты кого пирожком назвал, мышь конторская? - также быстро спрыгнул на стол, пригладив листики на макушке, - совсем распустились тут.

- Помолчи-ка, - инспектор разглядывал десерт, как энтомолог интересного жука.

- Требовать от меня молчания без предъявления соответствующего расписания - превышение должностных полномочий, - нагло заявил Тыквин, - тебя звать-то как?

- Савва Матвеевич, - машинально ответил Громов, - какие ещё полномочия? Может ещё каждому безе своё удостоверение предъявлять и не покупать без заявления в двух экземплярах?

- Па-а-апрашу, - возмутился Тыквин, - я тебе не какой-то там яичный белок, запечённый в духовке!

Инспектор опешил от такой наглости ожившего десерта:

- Ведьминские штучки, - прошипел он. Нащупав рукой крышку упаковки, изловчившись, Савва схватил Тыквина за листья, закинул в коробку, перевязав широкой лентой.

- Эй! Ты что удумал? - донёсся до Громова недовольный басок, - где резолюция, постановление... этот, как его... документ! По какому такому праву меня, честный десерт высшего качества, лишили свободы?

- Ну и занудный ты тип, - поморщился Громов, держа коробку перед собой, - согласно положению об одушевлённых продуктах, тебя надо утилизировать.

- Утили... Что?! - заорал Тыквин, - свободу честным десертам! Я требую суда присяжных! Врагу не сдаётся наш гордый десе-е-е-рт! Это же прямое нарушение статьи о гуманном обращении с продуктами высшей категории! Тыквин не сдаётся! Да здравствует анархия в пищевой промышленности!

Савва Матвеевич с ужасом понял, что впервые в жизни искренне мечтает нарушить хоть какую-нибудь инструкцию, лишь бы этот оранжевый бюрократ заткнулся. Коробка угрожающе заходила ходуном, Громов обернул её одеялом и поспешил на кухню, где видел большую печь.

Глава 4

На кухне возился хозяин гостиницы, как раз отправляющий в печь хлеб к завтраку.

- Посторонись, - подвинул его плечом Громов, на ходу стаскивая одеяло с коробки.

Невысокий, чернявый, смуглый, с роскошными смольными усами, хозяин, испуганно уставился сначала на инспектора, потом на коробку в его руках:

- Как же мой хлеб?

- Новый испечёте, - оборвал его Громов, - дело государственной важности.

- Не верь ему! - голосил из коробки Тыквин, - он маньяк! Одушевлённые десерты тоже живые! Помогите!

- Эм-м-м-м, - выразительно уставился хозяин на инспектора.

- Прочь, - Громов протиснулся к печи, ловко скинул одеяло и, едва не обжигая руки, сунул коробку в огненный зев.

- Жестокий мир! - завыл Тыквин, но голос его стих, стоило Громову закрыть дверцу большой печи.

Инспектор утёр лоб, придерживая заслонку духовки, подождал минут десять, не решаясь заглянуть внутрь, по комнате поплыл запах горелого хлеба, хозяин гостиницы жалобно крикнул, поглядывая на Громова с раздражением.

- Готово, - кивнул Савва Матвеевич, подхватил лопату для выпечки и открыл дверцу.

В духовке, в языках пламени и клубях дыма стоял Тыквин, бока его обуглились, руки и ноги почернели, глаза горели красными угольками, а улыбка так и осталась белоснежной, только зубы заострили, и, кажется, клыки стали больше.

Хозяин гостиницы что-то пискнул, плюхнулся на пол и заскреб ногами по доскам, пытаясь отползти к стене или вовсе просочиться сквозь неё. Громов отшатнулся от зева духовки.

- Ну что, маньяк бюрократический, - усмехнулся Тыквин, - вот мы и встретились.

Я скучала за прилавком, потягивая горячий чай с листьями малины и вишни. Остатки выпечки разобрали покупатели, огорчённые, что в этом году им придётся обойтись без моего волшебного во всех смыслах десерта. Часы давно пробили полночь, но сон покинул меня вместе с инспектором.

- Чтоб ему икалось от сдобы, а Серафима, чтоб всегда только свою выпечку и ела, - бурчала я под нос, поглаживая свернувшегося на коленях Гутика, - вот почему так, скажи? Только придумаешь отличный десерт и на! Обязательно судьба подкинет кого-то вроде этого Громова, нужен он здесь был, как творог в безе.

- Мур-р-р-р, - отозвался Гутик.

- Говоришь, надо было ещё пирожных напечь? Ха-ха, эта бумажная душонка изъел бы все десерты, не поленился обойти Кренделёв, сунув свой длинный нос в каждый дом. Нет уж, пусть люди остались без сладенького, зато никто не будет им нервы мотать.

Гутик потянулся и перепрыгнул с колен на прилавок, мой кот - единственный в Кренделёве, кто имеет лицензию на молчаливое осуждение человечества без категории и срока годности. Вот и сейчас он одним взглядом передал всё, что думал о несносном Громове.

- Может ему запеканку на завтрак сделать? - наклонилась я к чёрному своему визави.

- Мау? - удивился котик.

- Да, да, с травками, теми самыми, от которых Серафима покрылась сыпью, когда пыталась проникнуть в мою лавку и испортить закваску.

Гутик склонил голову вправо, мигнув янтарными глазами.

- Считаешь, ребячество? - вздохнула я.

В этот момент в дверь отчаянно затарабанили, ещё немного и её просто снесут с петель. Стоило мне повернуть ключ, как в лавку ворвался инспектор, взбодораженный, он швырнул на прилавок корзину, под крышкой которой кто-то ойкнул. Волосы Громова стояли дыбом, пальто он натянул прямо на пижаму.

- Доброй ночи, инспектор, - улыбнулась я почти радостно, - желаете ещё выпечки?

- З-заберите этого! - кивнул он в сторону корзины и упал на стул.

Я развязала бечёвку, которой корзинка была обмотана в три слоя, приподняла крышку, оттуда на меня смотрела маленькая тыковка, дайте угадаю, наверное, то самое пирожное. А миленьким получился десерт, если, конечно, вам нравится сдоба, которая смотрит на вас с таким видом, будто собралась вами позавтракать.

- Ой, какой хорошенький, - молнии моего взгляда пришили Громова к стулу, - тиран, надо же было так милейшее пирожное довести!

Тыковка, слегка обугленная выбралась на поверхность и взялась крохотными ручками за ладонь:

- Мадам, - поклонилась она изысканно.

- Ты моя пироженка? - погладила я тыковку по макушке, откуда торчали несколько листочков, покрытых сажей.

- Для тебя, крошка, - подбоченилась та, - я буду кем угодно, позвольте представиться, Тыквин - десерт наивысшего класса!

- Это он тебя так? - кивнула я в сторону инспектора.

Тыквин всхлипнул, упав на коленки и, подвывая, начал рассказывать:

- В печь сунул! Меня, ни в чём не повинный десерт! А если бы тебя матушка, как только увидела твою унылую младенческую физиономию, тоже в печку зашвырнула? Готов поспорить, ты и в детстве был гадким, - Тыквин обернулся к инспектору, вытирая крокодильи слёзы, катящиеся по круглым щекам, - как вас зовут, очаровательная леди? - басовито промурлыкал тыковка, прижимаясь к моей руке.

- Варвара, - ответила я, поглаживая Тыквина по листикам, - обидел тебя негодяй.

- Меня... и в печь, - всхлипнул тыковка.

- Ох уж эти инспекторы, - покачала я головой.

- Понаберут по объявлениям, - Тыквин стянул салфетку и трубно высморкался.

- Почему по объявлениям? - возмутился вдруг Громов, - я закончил с отличием Академию!

- Оно и видно, - огрызнулся тыковка, - за «отличия» в инспекторы и попал, небось, до нормальных магов недотянул.

- Ну знаете! - вскочил мужчина, - Варвара Афанасьевна, забирайте своё бешеное пирожное! Он мне чуть нос не отгрыз! - Громов дотронулся до кончика носа, скосив глаза, там виднелись синяки в форме крохотных зубок.

- И поделом! Будете знать, как обижать малюток!

Гутик, наблюдавший за Тыквиным со стороны, подошёл к десерту и лизнул листочки розовым язычком. Савва Матвеевич посмотрел на кота, слизывающего сажу с Тыквина, потом на Варю, потом на сам десерт, и впервые за карьеру подумал, что перевестись в отдел учёта волшебных сухариков для излечения кашля было бы не такой уж плохой идеей.

- А мы на него жалобу напишем! - Тыквин погладил кота по мордашке.

- Правильно, - поддакнула я, - пятьдесят штук. И Серафиму Ильиничну в свидетели позовём.

- Пиши, Варенька, пиши! - Тыквин прижал мои пальцы к груди, - пункт первый: «Покупание на жизнь одушевлённого десерта с использованием открытого огня». Пункт второй: «Нанесение морального вреда кондитерскому изделию в состоянии глубокого душевного волнения!».

- А стоит Серафиме узнать, что наш инспектор пытался сжечь тебя без согласования с местным комитетом по пожарной безопасности, она на него ещё три доноса напишет, - хихикнула я.

Громов нервно икнул и вновь опустился на стул.

Глава 5

- Варвара Афанасьевна! - кажется, инспектор взял себя в руки, - прекратите паясничать! Вам грозит штраф за оживление выпечки!

- Нет, - потрянула я рыжими кудряшками.

- Что нет? - удивился Громов.

- У вас ничего не получится, десерт ожил у вас. Может, это вы специально сделали, чтобы очернить невинную девушку, - промокнула я уголком фартука глаза, задорно подмигнув Тыквину, - и вообще, инспектор, вы в зеркало давно смотрели? У вас на носу отпечаток челюстей невинно убиенной пирожки, ну почти. Это ли не прямая улика превышения полномочий?

- Да, да, - злобно ухмыльнулся мой внезапный защитник, - а сам потом себе премию выбьет, как будто он тебя уличил в акте незарегистрированного колдовства. Повышение по службе за счёт укушенного носа!

- Ма-а-а-ау! - громко мявкнул Гутик, поддерживая нас.

- Какой умный котик, - почесал его за ухом Тыквин, - тебе тоже этот бюрократ не по нутру?

- Дурдом, - пробурчал Громов, - говорю, забирайте его и... хоть манерам научите.

- Ой-ё-ёй, - затащил Тыквин, - он меня чуть в печи не спалил, а я перед ним ещё и расшаркиваться должен. И главное, без документов, без постановления. В печь десерт высшей категории - это же прямая статья за жестокое обращение с кондитерскими изделиями!

- Хочешь мёда? - предложила я всхлипывающему тыковке.

- О, милая леди, твоя доброта равна лишь твоей красоте, - промурлыкал Тыквин, - тащи.

Я поставила перед тыковкой небольшую тарелочку с крохотной ложечкой, которой обычно отмеряю специи. Неугомонный десерт набрал лакомства, сунул в рот и облизнулся неожиданно большим язычком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.